

МОСКВА И ГРОЗНЫЙ ДВИЖУТСЯ В СТОРОНУ ХАСАВЬЮРТА

Каким будет новый «похабный мир»?

С каждым днем становится все очевиднее, что за горными перевалами, до которых дошла в Чечне российская армия, если не географически, то политически, лежит Ха-савьурт, и он не так уж далеко. В понедельник министр иностранных дел Игорь Иванов подтвердил давно уже бродившую по Москве информацию: Кремль ведет конфиденциальные переговоры с эмиссарами Аслана Масхадова. Цель переговоров — политическое урегулирование в Чечне. Таким образом, Москва отказалась от попыток умиротворения мятежной республики в обход ее законного президента.

Теперь становятся ясны даже очертания того маршрута, которым предстоит пройти ко «второму Хасавьурту». Если путь к первому мирному соглашению с Чечней открылся с гибелью Дудаева, вести переговоры с которым для Москвы было уж слишком трудно и стыдно, то сейчас в жертву должны быть принесены несколько наиболее одиозных фигур (один из этого списка, Радуев, уже устранен). При этом интересы Масхадова здесь соприкасаются с интересами Кремля, ибо речь идет как раз о тех лицах, которые не давали чеченскому президенту создать хотя бы относительно эффективную систему власти. Мне представляется, что Масхадов — человек не подлый и не станет помогать ФСБ устранять людей, с которыми он прошел две войны. Но что-то придумать всегда можно. Скажем, убедить Басаева и Хаттаба убраться куда-нибудь в Афганистан (Удугув с Яндарбиевым и так уже отъехали). Можно предположить, что в Кремле думают и о встречном ходе — о том, чтобы пожертвовать какими-то московскими, реальными или «назначенными» виновниками войны, тем более если от них и без того хотят избавиться.

Все это — совсем не просто, как не просто и сделать так, чтобы новый Хасавьурт как можно меньше напоминал старый. Но то, что вторая война, как и первая, кончится каким-то мирным соглашением, практически несомненно. Все войны, если они не кончаются полным уничтожением или покорением одной из сторон, что в данном случае маловероятно, кончаются мирным соглашением. Примирение может наступить на теперешней отметке в 2100 «официально» погибших российских солдат, на отметке 3100 или даже 5100, но рано или поздно оно наступит. Мирные соглашения, однако, могут быть разными. Естественно, значительно больше шансов, что «второй Хасавьурт» будет таким же перемирием между второй и третьей войнами, как первый Хасавьурт и «вечный мир», заключенный затем Ельциным и Масхадовым, были перемирием между первой и второй войнами. Но мне думается, есть крохотный шанс, что новое соглашение может принести не перемирие, а мир.

Вторая чеченская война в громадной мере повторяет первую, ибо воюют в ней те же самые силы, принципиально за время перемирия не изменившиеся. У них приблизительно те же самые мотивы, те же ресурсы, те же приемы и формы борьбы. Первая война была развязана Ельциным, явно не до конца понимавшим «особенности национального голосования» и думавшим, что после разрушения СССР, расстрела Белого дома и грабительской приватизации ему для переизбрания обязательно надо совершить какой-то «подвиг» во славу новой России. Вторая была развязана в основном по тем же мотивам — для обеспечения трудной, как казалось в прошлом году, задачи избрания Путина. В обоих случаях

войны получились совсем не те, какие ожидалось. Оба раза, пользуясь многократным превосходством в вооружении и живой силе, вначале мы достигаем определенных результатов — разрушаем Грозный, убиваем тысячи мирных жителей и «загоняем боевиков в горы». Оба раза, после того как вроде бы все населенные пункты уже разрушены и «зачищены», загнанные в горы чеченцы вновь оказываются на равнине, в тылу наших войск. Начинается партизанская война, в которой враг не перед нашими войсками, а повсюду, и преимущество в танках и авиации исчезает. Сходна и динамика общественного мнения. Вначале российское общество встречает войну скорее вяло-одобрительно, но по мере того как наши потери растут и становится очевидно, что жестокость по отношению к чеченцам так же не компенсирует неэффективности армии, как садизм не компенсирует импотенции, вялое одобрение сменяется вялым неодобрением. Немыслимое вранье военных начинает вызывать смех и раздражение. Зарубежное общественное мнение также пробуждается и начинает оказывать давление на правительства. Оба раза после достижения главной цели — победы на выборах, война утрачивает политический смысл. Из фактора, повышающего президентский рейтинг, она превращается в фактор, его «опускающий». После июня 1996 г. Ельцин продолжает ее уже по инерции, потому что не знает, как кончить, и в конце концов позволяет Лебедю заключить Хасавьюртовские соглашения, а потом, чтобы лавры миротворца достались не Лебедю, а ему, сам заключает договор с Масхадовым. И хотя Путин отождествил себя с войной значительно сильнее, чем Ельцин, тем не менее и для него война сейчас, несомненно, превратилась в бремя, и мысль о мире просто не может не приходиться ему в голову.

Как российская политическая жизнь циклична, так и связанные с ней чеченские войны идут по циклу, где отдельные фазы повторяют друг друга почти с такой же неизбежностью, как сменяют друг друга времена года. При этом второй цикл, разумеется, несколько отличен от первого. Хотя и индивиды, и правящие группы, и народы склонны повторять пройденное, они все же в какой-то мере учатся на своем опыте. Чему же могли и должны были научиться русские и чеченцы на опыте двух войн и одного перемирия?

Мне кажется, что российская правящая верхушка должна была понять как минимум две вещи. Во-первых, что чеченские войны очень трудны и использовать их в электоральных целях рискованно, а главное — совершенно не обязательно. «Партия власти» в исторически обозримый срок будет у нас побеждать и без разрушения Грозного перед каждыми президентскими выборами. Более того, устраивать третью войну в 2004 или 2008 гг. будет уже просто смешно и контрпродуктивно. Во-вторых, хотя наша власть вряд ли понимает, что в конечном счете независимость Чечни неизбежна и отпустить ее все равно придется, она вполне может понимать, что и полное покорение Чечни, ее интеграция в структуры Российской Федерации тоже исключены и что управлять Чечней Москва никогда не сможет. Степень реальной независимости в значительной мере определяется психологическими и культурными факторами и может совершенно не совпадать с формальным статусом. Формально независимая Белоруссия, например, на деле значительно больше часть России, чем многие «субъекты» Российской Федерации. Но чеченцы — наиболее культурно и психологически чуждый русским, наиболее непокорный и наиболее ненавидящий (теперь еще больше, чем когда-либо) Россию народ. В какой-то мере Чечней могли управлять самодержавная и советская тоталитарная Россия, но нормальной частью хотя бы относительно демократической России она быть не может. Поэтому включение Чечни в Россию может быть лишь формальным и

символическим (формально она и сейчас — субъект РФ), а фактически она будет жить по своим законам.

И если это хоть в какой-то мере понимается, у российской власти должны возникнуть новые приоритеты. Главным становится не подчинение Чечни, не управление ею из Москвы, а то, чтобы она вообще управлялась (самоуправлялась), чтобы в Чечне возникло хотя бы относительно упорядоченное общество и государство, чтобы чеченцы занялись строительством, а не подготовкой к новой войне или новому восстанию. При такой системе приоритетов открывается широкое пространство для совпадения интересов России и чеченцев, в том числе и чеченского президента, который не может не стремиться к тому же самому.

За эти годы Масхадов и чеченцы тоже должны были кое-что понять. За время своей непризнанной, но фактической независимости они могли убедиться, что построение своего государства — задача для них значительно более трудная, чем даже победа над русскими. Выиграв войну, Чечня проиграла мир — это факт. И смешно списывать все свои беды на российские спецслужбы и происки Березовского — почему-то российские спецслужбы и Березовский не могут, например, породить хаос в Эстонии или Латвии, не могут сделать так, чтобы эстонцы похищали и убивали иностранцев или «освобождали» Ленинградскую область. Может быть, Басаева действительно хитростью заманили в Дагестан, но ведь это чеченцы создали государство, в котором Басаев мог набрать собственное войско и пойти «освободить братский народ». Трагедия чеченцев в том, что хотя они способны победить армию огромной страны, по численности населения превосходящей их в 150 раз, они, если говорить откровенно и без страха их оскорбить, еще не готовы к созданию нормального жизнеспособного государства. Для этого нужно еще какое-то время, нужно изжить некоторые свои глубокие черты культуры и характера, надо научиться подчиняться своим властям и своим письменным законам, чему они в силу особенностей своей истории научиться не могли. Полная и формальная независимость никуда не уйдет, а пока для построения нормального государства, может быть, даже лучше, если Чечня будет какое-то время скована извне, если ее суверенитет будет неполным (как для многих, например, африканских стран было бы лучше, если бы независимость пришла к ним не в 60-е, а, скажем, в 80-е гг.).

Если Масхадов и чеченцы хотя бы в какой-то мере это поняли, это должно девальвировать для них проблему статуса. Ничего страшного не произойдет, если в ООН еще некоторое время не будет человека в папахе. Новое соглашение может не решить проблему чеченского суверенитета, но оно может дать чеченцам нечто более важное — минимальные гарантии того, что к следующим российским выборам их не будут вновь покорять, что Москва не будет сознательно раскачивать ситуацию в Чечне, вооружая, как это было при Ельцине, всякие оппозиции, или, как это сравнительно недавно делал Березовский, финансируя Басаева, что им дадут выработать адекватные им, их культуре формы современной государственной жизни. Мне также кажется очень важным, чтобы соглашение вводило что-то вроде особого чеченского гражданства и визового режима между Чечней и Россией (названия можно придумать). При этом все представители чеченской диаспоры, все кто жил в Чечне в 1991 г., обязаны будут выбрать или чеченское, или российское гражданство, а власти республики — гарантировать равные права всем выбравшим чеченское гражданство, пусть это даже будет Доку Завгаев (выбор гражданства будет свидетельствовать о готовности связать свою судьбу с судьбой своего народа, и в такой ситуации репрессии против «коллорабационистов» должны быть исключены), а те, кто выберет Россию, автоматически становятся нормальными российскими

гражданами. Чеченцы, выбравшие Чечню, но проживающие в России, разумеется, не должны изгоняться, но они отныне становятся как бы иностранцами и их пребывание в России должно быть ограничено рядом условий. Я понимаю, что для многих представителей диаспоры это — страшный выбор между нищей и нестабильной, но Родиной и относительно обеспеченным положением, но на чужбине, но только это может положить конец или, во всяком случае, резко ограничить и чеченский криминалитет, и беспредел российских властей по отношению к живущим в России чеченцам. Бесконтрольные поездки кого угодно из Чечни и в Чечню должны прекратиться. Разумеется, граница еще долго будет прозрачной, но это не так страшно, ибо теперь любой человек, который оказывается в России без соответствующей «визы», может быть арестован (соответственно и чеченцы будут иметь право арестовать любого, кто приезжает без «визы» в Чечню).

Особый статус Чечни предполагает целый ряд ограничений ее компетенции в организации внутренней жизни. Очевидно, что ей могут разрешить только небольшие вооруженные силы (их можно назвать «силами по охране порядка»), она не может принимать у себя всяких исламских «интернационалистов» и должна расстаться с теми, кто сейчас в ней находится. Потребуется создать реальную систему российского контроля над расходованием федеральных средств в Чечне. Думаю также, что должен быть и какой-то внешний, российский и международный, контроль над соблюдением в Чечне ее собственной конституции. Поскольку опыт соблюдения российско-чеченских договоренностей — печальный, вообще было бы хорошо, чтобы это соглашение содержало международные гарантии, лучше всего, чтобы оно было не двухсторонним, а трехсторонним (третья сторона — ООН, ОБСЕ или какая-то другая международная организация). То, что мешает сейчас заключению реального мира — это прежде всего символические и психологические факторы. Каждая сторона, естественно, не доверяет другой, каждой для «сохранения лица» нужна символическая победа — или символическая независимость, или символическое возвращение Чечни в лоно России. Но если в сознании московских и чеченских лидеров произошли те сдвиги, которые должны произойти у нормальных людей после опыта двух войн, они смогут придумать формулы, не унижающие ни одну из сторон, и тогда «новый Хасавьюрт» положит начало не перемирию, а миру.